

ОБЩЕСТВО. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

DOI 10.20339/AM.04-16.109

А.В. ХОРОШИЛОВ,

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

e-mail: artemkhoroshilov@yandex.ru

ТЕОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Представлена авторское исследование актуальной научной и практической проблемы – соотношения теории и практики в процессе модернизации. Подробно охарактеризована идеология модернизации, выявлены центральные понятия таковой. Внимание обращено на необходимость перехода к рефлексивному обоснованию феномена модернизации. Сформулированы и подробно исследованы основные подходы к пониманию феномена модернизации с выделением идеологического и теоретического аспектов такового. Показано, что центральным звеном в построении той или иной модели процесса модернизации выступает выбор способа обоснования понятия «современность». Также продемонстрирована связь между идеологическим проектом модернизации и позитивистской методологией, с одной стороны, и теоретическим проектом и антипозитивистской программой в социальной теории – с другой стороны.

Ключевые слова: теория, идеология, модернизация, современность, позитивизм, антипозитивизм.

THEORY AND IDEOLOGY OF MODERNIZATION:
FORMULATING THE PROBLEM

A.V. Khoroshilov is post-graduate student at Lomonosov Moscow State University

Presented is the author's research work of actual scientific and practical problem, i.e. correlation of theory and practice in the process of modernization. In detail characterized is ideology of modernization, as well as detailed are key notions of such. Attention is paid to the necessity of transition to reflexive substantiation of the phenomena of modernization. Formulated and in detail investigated are basic approaches to understanding of phenomena of modernization with defining both ideological and theoretical aspects of such. Shown is, that central link in constructing of any model of process of modernization is substantiation of the notion of "modernity". Also demonstrated is connection between ideological project of modernization and positivistic theory, on the one hand, and theoretical project and anti-positivistic program as to social theory, on the other hand.

Key words: theory, ideology, modernization, modernity, positivism, anti-positivism.

Становление современной социальной теории было обусловлено необходимостью рефлексивного осмысления исторической трансформации европейского общества, начало которой было положено эпохой Ренессанса и вектор которой уходит в неопределенное будущее.

Для понятийной фиксации демаркации новой эпохи от предшествующей была выбрана антитеза, предложенная ранее мыслителями Средневековья, но нашедшая новое содержание в новую эпоху. Речь идет об оппозиции antique / moderni [6. С. 246–250]¹. Таким образом, в поле интеллектуального самосознания эпохи попадает термин, которому было суждено сыграть заметную роль также и в ее самоопределении.

¹ Вслед за Х.У. Гумбрехтом мы будем различать три возможных значения понятия «современный» (modern): 1) «нынешний», антоним – «прежний», «прошлый»; 2) «новый», антоним – «старый»; 3) «временный, преходящий», антоним – «вечный» [6. С. 245–246]. В эпоху Средних веков при использовании понятия доминирующими были первое и третье значение, тогда как начиная с эпохи Ренессанса преобладает второе значение.

Понятие «современность»² постепенно выходит на авансцену интеллектуального дискурса эпохи, определяя тональность ее историософской рефлексии, одним из вариантов которой является теория модернизации. При этом с самого начала включения понятия в коммуникативную сеть интеллектуальных и политических элит оно использовалось как для построения идеологических программ оправдания тех или иных политических, экономических и прочих практик, так и в качестве инструмента познания происходящих социальных изменений.

Данная статья является попыткой теоретической систематизации идеологических и рефлексивных аспектов использования понятия «современность» в интеллектуальном пространстве нашего времени.

² Для удобства в дальнейшем для написания слов «традиция» и «современность» (и их производных) применительно к понятийному аппарату теории модернизации будет использоваться курсив. Понятия *современность* и *модерн* полагаются синонимичными.

Идеология модернизации

Центральное понятие теории модернизации – понятие *современности*. В зависимости от того, какие характеристики вкладываются в это понятие учеными, получается тот или иной вариант теории³.

Например, в конце XIX – первой половине XX в. мы можем обнаружить (при всей условности подобного деления) как либеральный вариант теории (М. Вебер, Э. Дюркгейм), так и консервативный (К. Шмитт, О. Шпанн); как социалистический (К. Маркс, О. Шпенглер), так и капиталистический (М. Вебер, представители австрийской школы экономической теории).

Несмотря на разнообразие определений, даваемых понятию *современности* социальными мыслителями прошлого и настоящего, в литературе, посвященной проблемам теории модернизации, доминирует понимание *современности* как либерального проекта.

Так, П. Штомпка дает следующий перечень «организующих принципов современности»: индивидуализм, дифференциация, рациональность, экономизм, экспансия (глобализм)⁴. При этом имплицитно подразумевается, что данные принципы отражают актуальное положение дел, несмотря на то что противоположный перечень имел бы не меньше притязаний на достоверность описания актуальных условий социальной жизни⁵.

Интеллектуальное первенство описания *современности* как либерального проекта по меньшей мере неочевидно. *Современность* есть консервативный проект не в меньшей степени, чем либеральный: достаточно поверхностного взгляда на движение интеллектуальной истории европейской цивилизации для того, чтобы понять, что *современность* как социальный проект противопоставляет себя *традиции* не в категориях либеральный / консервативный, а в принципиально иных дескриптивных категориях. Как никто другой, это чувствовал Н. Луман, предложивший концепцию самоописания европейского общества на пути к *современности* [3].

³ По аналогии с различием целого и частей современной социальной теории, мы предлагаем различать теорию модернизации как совокупность определенных научных положений и ее модификации. В дальнейшем будет показано, что модификации теории модернизации базируются на прибавлении идеологических компонентов к научному каркасу теории.

⁴ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – С. 105–106.

Sztompka, P. Sociology of social transformations. Moscow: Aspekt-Press, 1996, p. 105–106.

⁵ Как убедительно показывает исследование Р. Козеллека [10], проект *современности* оформляется в поле взаимодействия двух фундаментальных осей – кризиса и критики. *Современность* существует как траектория на пересечении данных осей координат. Те ученые, которые отождествляют *современность* с одной из осей, совершают грубую ошибку. Ось критики существует не столько в потенциальном (виртуальном) пространстве, сколько в актуальном пространстве альтернативных возможностей нормативного оправдания проекта. Здесь Козеллек фактически воспроизводит аргументацию таких мыслителей, как И. Риттер, Х. Люббе, О. Марквард, работы которых в последнее время все чаще объединяются под именем т.н. теории компенсации. Краткий обзор основных положений данной теории рассмотрен в статье Марии Румянцева, которая доступна на английском языке. [URL]: <http://www.hse.ru/data/2015/04/09/1094994559/96HUM2015.pdf> (дата обращения: 24.05.2015).

Таким образом, одномерное, несимметричное понимание *современности* как либерального (консервативного), либо капиталистического (социалистического) проекта будет относиться нами к варианту идеологического оправдания той или иной социальной практики. Язык идеологии в таком случае практически неотличим от языка науки.

Необходимость перехода к рефлексивному обоснованию феномена модернизации

После того как мы кратко рассмотрели два варианта идеологического обоснования проекта модерна, мы в состоянии более подробно остановиться на вопросе, коснуться которого прежде нам удалось лишь поверхностно. Либеральная и коммунаритаристская версии *современности* показали нам, что последняя имеет не одно, а как минимум два лица, являя собой своеобразного двуликого Януса. Что если этих лиц у *современности* больше?

Поскольку под *современностью* мы понимаем один из возможных вариантов самоописания общества, а именно продукт функционирования интеллектуальных сетей, то логично было бы предположить: количество возможных «лиц» *современности* тождественно количеству интеллектуальных групп, вовлеченных в процесс коммуникации. Тем не менее социальные теоретики упорно следуют одному-единственному, а именно либеральному, варианту самоописания, преподнося Ding-an-sich модерна как современное либеральное общественное устройство. Нам это представляется не столько упрощением действительного положения дел, сколько самообманом: ведь в качестве языка описания в данном случае выбирается язык идеологии, недостатки использования которого именно в качестве языка (само) описания общества очевидны. Должен быть иной, более функциональный язык описания, который способен компенсировать недостатки языка идеологии.

Однако прежде чем перейти к экспликации принципов рефлексивного описания *современности* и их отличия от нормативного (как правило граничащего с идеологическим), кратко остановимся на истории становления двух методологических программ обоснования социальной теории⁶. Речь идет о позитивистской и антипозитивистской программе. Первая восходит к идейному наследию Сен-Симона и Конта и находит ясное воплощение в «Методологии социологии» Дюркгейма с его требованием «рассматривать социальные факты как вещи»⁷. Тем самым в качестве методологического обоснования

⁶ Научная тематизация понятия *современность* тесно связана с самоопределением социальной теории как науки. Само появление социологии было обусловлено в первую очередь необходимостью понимания условий *современной* социальной жизни. Поэтому для того, чтобы определить поле рефлексивного обоснования *современности*, необходимо прежде удостовериться в возможности рефлексивного постижения социальной реальности.

⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – С. 421.

Durkheim, E. On the division of social labor. The method of sociology. Moscow: Nauka, 1990, 421 p.

социальной науки была выбрана программа естественных наук, а социальная *реальность* была фактически уподоблена природной⁸. Мы не будем далеки от истины, если укажем на линию преемственности, ведущую от Дюркгейма к Парсонсу⁹ и через последнего к Штомпке, Гидденсу и др.

Антипозитивистская программа восходит к наследию Гегеля, который требует не непосредственного познания социальных фактов-вещей, но понятийного постижения самоописаний Духа. Фактически Гегель предвосхищает идеи Лумана о фигуре наблюдающего наблюдения наблюдателя (наблюдение второго порядка) и обществе как аутопоэтической системе, продуцирующей самоописания¹⁰. Позитивистский проект исходит из наблюдения первого порядка, антипозитивистское толкование социальной теории опирается на наблюдение второго порядка. Именно здесь скрывается фундаментальное различие двух программ обоснования социального познания, которые в свою очередь порождают два варианта описания *современности*.

Луман пишет: «Наблюдатель первого порядка наблюдает с помощью ценностей. Его соответствующие ценности образуют для него различие, управляющее его познанием и действием. Наблюдатель второго порядка соотносит семантику ценностей с их применением в коммуникации» [3. С. 272]. Таким образом, Луман отчетливо связывает наблюдение первого порядка (как мы видели, на него опирается позитивистский проект социальной теории) и ценностное мышление. Для наблюдателя первого порядка различие¹¹ между наблюдающим субъектом и наблюдаемым объектом («реальностью») конституируется путем отнесения к ценности¹². Именно

поэтому грубое разделение между суждениями факта и суждениями ценности противоречит исходному принципу функционирования позитивистского знания. С другой стороны, наблюдатель второго порядка – наблюдающий наблюдения – в состоянии соотнести ценность и коммуникативный процесс («коммуницирующую коммуникацию»), ее порождающий, т.к. сам наблюдатель здесь выступает в качестве фигуры первого различия.

Мы видим глубину пропасти, разделяющей позитивистский проект обоснования социальной теории и порожденный им идеологический язык описания *современности*, с одной стороны, и проект антипозитивистской реакции на первый, который вырабатывает альтернативный язык (само)описания *современного* общества – с другой. Что это за язык?

«Культура – то место, где осуществляется рефлексия самоописаний» [3. С. 23], – свидетельствует Луман¹³. В первую очередь язык самоописания, если следовать Луману, это язык философии (равно метафизики). И здесь в очередной раз мы сталкиваемся с гегелевскими истоками мысли Лумана. Если для последнего философия есть язык (один из возможных языков) самоописания общества, то для Гегеля философия есть язык самопознания Духа. В отличие от позитивистов с их фетишизацией «факта» Луман вслед за Гегелем ищет *понятия*, в которых кодируется самописание общественной системы. Например, он рассматривает антиномические пары – бытие / небытие, целое / часть, настоящее / прошлое, человек / животное, природа / техника и др., а затем пытается применить схожие понятия к политической и экономической сфере. Предметом анализа становится не конструируемый (исходя из ценностных предпочтений) исследователем «факт» (в понимании Дюркгейма), но тот или иной модус самоописания общественной системы – фактически социальный факт и понятие отождествляются, тем самым снимается противоречие между эмпирическим и рациональным познанием.

Применительно к проблеме тематизации *современности* глубину разрыва между позитивистской и антипозитивистской методологией можно проиллюстрировать на примере анализа процесса модернизации Западной Европы Парсонсом [5] и Луманом [3]. Объект анализа первого – трансформация, коснувшаяся социетального сообщества в связи с дифференциацией культурной, политической и экономической подсистем социальной системы.

Парсонс подробно анализирует становление и постепенные изменения Pax Christiana, роль урбанизации, промышленной и демократической революций в обра-

⁸ Там же. – С. 422-424, 455-457. Ibid., p. 422-424, 455-457.

⁹ Дюркгейма действительно зачастую причисляют к основателям структурного функционализма, которому наследует системная теория Парсонса (также не следует забывать о том, что для современной социологии Дюркгейма (и Вебера) «открыл» именно Парсонс, и наше прочтение трудов первого во многом опосредовано их парсоновским восприятием). Однако мы говорим не о генетическом сходстве применяемых исследователями *конструкций*, а о схожем понимании *метода* социальной науки (оформленная теоретическая конструкция – результат приложения определенного метода).

¹⁰ Несмотря на то что сам Луман скептически относится к включению социологии в когорту «наук о духе» (а это исток антипозитивистской реакции), мы обнаруживаем очевидную преемственность между философскими системами Гегеля и Лумана. Об этом также говорит Х.У. Гумбрехт, в статье, посвященной анализу философских предпосылок социальной теории Лумана. – [URL]: <http://www.compos.org.br/seer/index.php/compos/article/viewFile/866/628>

¹¹ Различение (дифференция) – фундаментальное понятие социальной теории Н. Лумана.

¹² В качестве примера здесь можно сослаться на социологическое наследие Вебера, одного из наиболее противоречивых социальных мыслителей прошлого. Пытаясь связать позитивизм и антипозитивизм в единое целое, он, тем не менее, отдавал явное предпочтение первому (Л. Штраус дает емкую характеристику: «Вебер – величайший представитель позитивизма в социальных науках»). Тем не менее логическим следствием позитивизма Вебера с его принципом «свободы от оценки» является глубочайшее наполнение прикладных исследований мыслителя самыми грубыми суждениями ценности. По словам Э. Трельча, «из всех неокантианцев Макс Вебер... ближе всех подошел к позитивизму... Он, пожалуй, едва ли не превзошел позитивизм, поставив рядом с причинно-обусловленной наукой личное, допускаемое с точки зрения

мыслителя, оценочное утверждение... как абсолютно венаучное, но практически тем более важное обстоятельство» (Трельч Э. Историзм и его проблемы. – М.: Юрист, 1994. – С. 444–445). Позитивизм Дюркгейма приправлен суждениями ценности не менее веберовского (см. в особенности его «О разделении общественного труда»). Примеры можно было бы множить, но приведенных нам кажется достаточно для иллюстрации глубокой связи позитивизма и его нормативного обоснования.

¹³ И здесь мысль Лумана в очередной раз сталкивается с гегелевским наследием, поскольку культура, как ее понимает Луман, – это нечто иное, как «жизненный мир» объективного духа (в этом отношении идеи Лумана близки культурфилософии Х. Фрайера).

зовании современного социального устройства Европы и США (на истории последних ученый останавливается отдельно, поскольку именно США являются собой последнего глашатая модерна, «лидера на позднейшем этапе модернизации» [5. С. 152]). Одним словом, Парсонс применяет стандартную схему AGIL¹⁴ для построения модели социальных изменений. Луман же, как было показано ранее, сосредоточивается в первую очередь на модификации смысла основных понятий европейской метафизики, а также понятий, отражающих отношение системы к таким социокультурным феноменам, как политика, мораль, образование, хозяйство и др.

Используя терминологию Ч. Тейлора, одного из ведущих теоретиков модерна, подход Парсонса можно условно назвать «аккультурным»¹⁵, а подход Лумана соответственно «культурным». С помощью артикуляции понятия культуры Тейлор сводит к нулю ценность классической теории модернизации. Действительно, если язык культуры непереводим, а институты неразрывно связаны с культурой, то разговоры о «трансплантации» институтов, а тем более культурных норм, перестают быть осмысленными. Тейлору вторит Луман, отказывающийся теории модернизации (с незначительными исключениями) в эвристической ценности. Так ли бесполезна теория модернизации, какой ее полагают ведущие социальные мыслители наших дней?

Современность и традиции

Простое и вместе с тем единственно верное определение процесса модернизации состоит в том, что это процесс, фиксирующий переход от традиционного типа общественной организации к современной.

Как показано ранее, классическая теория модернизации описывала ход этой трансформации преимущественно с помощью языка идеологии. Реакцией на гегемонию идеологического описания, а также осознание необходимости учета культурных доминант явилось появление в 1970–1980 гг. альтернативных версий теории – так называемых теорий неомодернизации (постмодернизации)¹⁶.

¹⁴ Описательная схема AGIL была разработана Парсонсом в работе «Социальная система» (1951). Схема представляет собой структурно-функциональное описание, применимое к любой системе (в том числе социальной). Элементы – функции, из которых состоит схема AGIL, следующие: адаптация (A – Adaptation), достижение цели (G – Goal Attainment), интеграция (I – Integration), латентность, поддержание образца (L – Latency).

¹⁵ Антагонизм раннего Парсонса по отношению к эволюционизму в социальной теории общеизвестен. Тем не менее в более поздний период своего творчества, к которому относится написание «Системы современных обществ», он принимает идею поступательного развития общества, причем говорит об «эволюционных универсалиях», которые распространяются на все общества, а не только на западное. Это дает нам основания причислять теорию социального изменения Парсонса к аккультурному типу, сколь парадоксально бы это ни звучало, если принять во внимание центральное место, которое автор отводит ценностям и нормам в структуре социальной системы.

¹⁶ Нам представляется продуктивным и ценным подход отечественного философа Ю.И. Семенова, который все богатство теорий исторического изменения подразделяет на две группы: унитарно-стадиальные и плюрально-циклические. Если опираться на принцип этой группировки, то классический вариант теории модернизации наследует черты унитар-

ностадиальных теорий, а теории неомодернизации (постмодернизации) – черты плюрально-циклических. См.: Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. – М.: Академический проект; Трикта, 2013.

Несмотря на то что исследователи, работавшие в рамках обновленной теории, стремились избежать идеологического монологизма классического описания модернизации, они не смогли избежать силков идеологии как таковой. Теории неомодернизации (постмодернизации) идеологически ангажированы не менее классической теории. Их ангажированность проявляется в первую очередь в наследовании принципа наблюдения первого порядка от классической теории. Этот принцип является ядром позитивистского истолкования общественных явлений, которое в качестве меры различия между наблюдателем и наблюдаемым объектом принимает тот или иной ценностный идеал. Действительно, неклассические теории модернизации, наравне с классическим вариантом, претендуют на всецело *объектно-объективное знание* об обществе, следствием чего является щедро используемый ими нарратив назидательности¹⁷.

Ранее нами было артикулировано изменение в понимании *современности*, которое произошло в интеллектуальном сообществе в последние десятилетия¹⁸. А именно: *современность* понимается как такой тип культуры, который описывает себя в категориях динамизма, изменчивости и нарастающей сложности.

Как пишет Б.Г. Капустин, «в центре современности оказывается проблема плюрализма. Современность предстает проблемой не монолога, а экспериментального нахождения *modus vivendi* разных «богов» и миров». Он также призывает к переходу от модальности «или-или» к модальности «и-и» [2. С. 18–19].

Ранее мы настаивали на том, что *современность* предстает в образе «многоликого Януса», тревожимого призраком *традиции*. Более того, *традиция* является собой один из необходимых ликов *современности*. Таким образом, *современный* тип социальной организации противопоставляется *традиционному* по линии роста сложности и дифференцированности¹⁹ социальной системы.

Традиционное общество дифференцированно в гораздо меньшей степени, здесь сама традиция выступает в роли абсолютной идеологической нормы, редуцирующей сложность. Принимая во внимание данные соображения, мы можем описать модернизацию как

но-стадиальных теорий, а теории неомодернизации (постмодернизации) – черты плюрально-циклических. См.: Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. – М.: Академический проект; Трикта, 2013.

Seменов, Yu.I. The philosophy of history. The general theory of the historical process. Moscow: Academic Project; Trikssta 2013.

¹⁷ *Эйзенштадт Ш.* Новая парадигма модернизации / Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. – М.: Аспект-Пресс, 1998.

Eisenstadt, S. The new paradigm of modernization. In *Yerasov, B.S. Comparative Study of Civilizations: A Reader*. Moscow: Aspekt-Press, 1998.

¹⁸ Речь шла о переходе к пониманию *современности* как «категории движения», «канонической морали изменения» и именно в данном отношении диаметрально противоположного *традиции* типа цивилизации. Это отмечает Х.У. Гумбрехт в [6. С. 290], а также такие авторы, как Ч. Тейлор, С. Тулмин, П. Вагнер, Г. Терборн, Б. Виттрок и др.

¹⁹ Под дифференцированностью мы понимаем в первую очередь множественность множественность самоописаний социальной системы, в отличие от сугубо экономико-объективистского прочтения данного понятия позитивистами, начиная Дюркгеймом и заканчивая Штомпкой.

процесс постепенного усложнения самоописаний социальной системы, включения в качестве нормативных принципов ее самообоснования и самопонимания все большего количества элементов, что говорит об экспансионизме этой системы. Действительно, глобализм является необходимым качеством *современности*, это родовая характеристика данного типа социокультурной организации, логическое следствие принципов самоописания, изложенных выше. Еще одним следствием этого понимания *современности* и модернизации (осовременивания) является возрастание степени риска, свойственного функционированию перманентно дифференцирующейся социальной системы²⁰

Таким образом, в отличие от Тейлора и Лумана, мы не отказываем теории модернизации в эвристической ценности. Напротив, мы полагаем, что именно теория модернизации должна быть положена в качестве фундамента всего здания современной социальной теории. Однако сама теория модернизации в таком случае должна претерпеть существенные изменения, а именно сбросить одежды поверхностного языка идеологии, тем самым сделав еще один шаг в направлении научного познания.

Мы не считаем, что в мире «наблюдений второго порядка» все претензии на построение научной социальной теории должны быть отброшены как «наивные»²¹. Напротив, именно в этом мире построение научной

теории общества становится действительно возможным, поскольку социальной теории предоставляется шанс на обновление, «выход из состояния несовершеннолетия»²². От меры искренности и открытости членов научного сообщества зависит, будет ли использован этот шанс должным образом.

Заключение

В статье были рассмотрены идеологический и теоретический (рефлексивный) проекты понимания *современности* в социальной теории. Было показано, что идеологический проект обоснования *современности* основывается на ее упрощенной однолинейной онтологической модели и является следствием использования позитивистской методологической программы. С другой стороны, теоретический подход к пониманию *современности* выдвигает ее сложную плюралистическую модель, которая строится с использованием антипозитивистской методологии. В свою очередь проект *идеологии модернизации* является следствием использования идеологического понятия *современности*, тогда как *теория модернизации* строится с использованием ее рефлексивного понятия. В завершение статьи предлагается набросок основных положений возможного теоретического обоснования процесса модернизации с помощью концептов дифференциации, глобализации и риска.

Литература / References

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
Hegel, G.W.F. Philosophy of law. Moscow, 1990.
2. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. – М., 1998.
Kapustin, B.G. Modernity as subject of political theory. Moscow, 1998.
3. Луман Н. Самоописания. – М., 2009.
Luman, N. Self-descriptions. Moscow, 2009.
4. [URL]: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2970>
5. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998.
Parsons, T. System of modern societies. Moscow, 1998.
6. Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2-х т. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1.

- Glossary of main historical concepts: Selected articles in 2 vols. Moscow, New Literary Review, 2014, vol. 1.
7. [URL]: <http://www.autodidactproject.org/other/gouldner1.html>
8. [URL]: <http://www.compos.org.br/seer/index.php/e-compos/article/viewFile/866/628>
9. Jameson, F. A Singular Modernity: Essay on The Ontology of the Present. New York.: Verso, 2002.
10. Koselleck, R. Critique and Crisis. Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, MA: The MIT Press, 1988.
11. [URL]: <http://www.hse.ru/data/2015/04/09/1094994559/6HUM2015.pdf>
12. [URL]: <http://www.nabilechchaibi.com/resources/Taylor.Two%20theories%20of%20modernity.pdf>

²⁰ Найтовское (Найт Ф. Понятие риска и неопределенности. – [URL]: http://igiti.hse.ru/data/411/313/1234/5_1_1Knigh.pdf) и лумановское (Луман Н. Понятие риска. – [URL]: http://igiti.hse.ru/data/423/313/1234/5_2_2Luhm.pdf) понимание риска значимы в равной мере.

²¹ Об этом говорит Х.У. Гумбрехт, который считает, что гуманитарные дисциплины должны пониматься скорее как искусство, а не науки. См.: Гумбрехт Х.У. Должны ли гуманитарные науки быть научными? – [URL]: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/gum13.html>

²² См.: Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение. – [URL]: <http://iph.ras.ru/upfile/philec/gou/kant.pdf>